

важную, чем роль права и других правовых мер (в политико-декларативной и формально-юридической частях доктрины). О роли доктрин права военных операций мы писали⁵⁶, и такой подход может быть основан на средствах и основных принципах юридического прагматизма, который проявляется в преувеличении возможностей инструментальных средств права и рассмотрении права как результата действительности и инструмента политики, в них можно определить их соответствие подходам к военному праву. Если понимать право как проявление действительности, то это – элемент

⁵⁶ Кудашкин А.В., Мельник Н.Н. Доктрина права военных операций: понятие, значение и место в структуре российского военного права // Право в Вооруженных силах. 2021. № 10. С. 10 – 18.

подхода к юридическому прагматизму, хотя «действительность» – не правовое понятие, но неопределенность термина не позволяет точно определить его правовую сущность. С.С. Алексеев пишет, что юридический термин – это выраженное в тексте акта словесное обозначение определенного понятия, термины служат исходным материалом для строительства норм, их общностей⁵⁷. Но действительность порождает законы, которые адаптируются к объективным потребностям, это принято и в других правовых системах, вследствие чего надо определить значение победы как действительность, по мнению А.В. Кудашкина и В.В. Кудашкина.

⁵⁷ Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 2. М., 2002. С. 186.

ВОЕННОЕ ПРАВО: К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ МЕЖДУНАРОДНОГО И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА

А.В. Кудашкин,

руководитель Междисциплинарного центра правовых исследований в области обороны и оборонно-промышленного комплекса ИГП РАН, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации

Статья является рецензией на статью Н.Н. Мельника «Право вооруженных конфликтов в системе военного права России, его место и методы исследования».

Эксперт в области международного права, военного права США, Китая и стран Европы Н.Н. Мельник, являющийся автором многочисленных публикаций по праву вооруженных конфликтов, в том числе и в соавторстве со мной, подготовил статью «Право вооруженных конфликтов в системе военного права России, его место и методы исследования», в которой высказал авторскую точку зрения по актуальным вопросам теории российского военного права и полученным научным результатам последних лет.

Остановимся на тезисах Н.Н. Мельника и еще раз разъясним нашу точку зрения.

1. Прежде всего, вопросы терминологии. Писали об этом уже неоднократно¹, но сделаем это еще раз. Специалистами международного права, занимающимися в числе прочего вопросами вооруженных конфликтов, используются понятия «международное гуманитарное право» и «право вооруженных

¹ Кудашкин А.В. Военные конфликты: понятие, виды и их правовые признаки // Право в Вооруженных Силах. 2024. № 2. С. 2 – 12; Кудашкин А.В., Безбабнов О.Г. Вооруженные конфликты и право: еще раз возвращаясь к терминологии // Там же. 2023. № 7. С. 2 – 11.

конфликтов», каждое из которых имеет свое содержание и назначение. Об этом уже немало написано², в том числе мной в соавторстве с Н.Н. Мельником³, поэтому не будем повторяться, но отметим отдельные моменты.

Поскольку не требует доказательств тезис о том, что системы международного права и внутригосударственного права – это разные системы, которые всего лишь могут соприкоснуться и взаимодействовать в различных формах, то, не касаясь системы международного права, мы в своих исследованиях сосредоточились на внутригосударственных аспектах военного права (в части вооруженного противоборства), которые до последнего времени (до 2020 г.) правовой наукой практически не были изучены.

При этом вполне очевидно, что взаимодействие международного и внутригосударственного права при регулировании вооруженных конфликтов прежде всего осуществляется в форме имплементации международно-правовых норм во внутригосударственные. Есть научные работы и диссертации по этим вопросам⁴ и определенные

практические результаты в данной области, речь идет прежде всего о Наставлении по гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденном Министром обороны Российской Федерации 8 августа 2001 г. (Наставление по МГП), которое Н.Н. Мельник так любит цитировать.

В наших первых работах, которые были написаны в 2021 г. и позднее, наблюдается определенная чехарда в терминологии, обусловленная тем, что, касаясь в целом внутригосударственного регулирования военного вооруженного противоборства, мы использовали международно-правовую терминологию, основанную на источниках международного права, в том числе права вооруженных конфликтов. Такой подход в определенных моментах приводил к непониманию описываемых отношений.

Для того чтобы «развести» международное и внутригосударственное право и регулирование, нами (в данном случае имеется в виду мой соавтор – доктор юридических наук В.В. Кудашкин) с учетом положений Военной доктрины Российской Федерации вполне обоснованно предложен термин «право военных конфликтов»⁵.

Подход Н.Н. Мельника, когда он в своих публикациях, описывая военные отношения военного конфликта, оперирует исключительно международно-правовой терминологией, в то время как речь идет о внутригосударственном праве и регулировании, вполне очевидно недопустим. Это как раз и создает непонимание у читателей.

Поэтому еще раз уточняем: «право вооруженных конфликтов» – это термин междуна-

манитарного права в условиях изменяющейся природы современных вооруженных конфликтов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 207 с. и др.

⁵ Кудашкин А.В., Кудашкин В.В. Фундаментально-теоретические основания военного права (парадигмальный генезис теории военного права) // Труды института государства и права РАН. 2024. № 1. С. 137 – 164.

² Кудашкин А.В., Кудашкин В.В. Право военных конфликтов: теоретические концепты и методологические подходы к исследованию // Право в Вооруженных Силах. 2023. № 12. С. 2 – 10.

³ См., напр.: Кудашкин А.В., Мельник Н.Н. Некоторые концептуальные проблемы международного гуманитарного права и современного права вооруженных конфликтов // Право в Вооруженных Силах. 2022. № 5. С. 2 – 7 и др.

⁴ См., напр.: Батырь В.А. Имплементация норм международного гуманитарного права в военном законодательстве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999; Егоров С.А. Вооруженные конфликты и международное право: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. 285 с.; Котляров И.И. Международно-правовое регулирование вооруженных конфликтов: теоретические проблемы и практика: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 475 с.; Бекмурзаев Б.А. Внутригосударственные вооруженные конфликты и международное право: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. 179 с.; Кастро А.-Г.Ф. Международно-правовая регламентация внутренних вооруженных конфликтов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 166 с.; Северинчик Ю.В. Международно-правовые проблемы вооруженного конфликта немеждународного характера: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 196 с.; Ложников И.С. Военно-правовые аспекты урегулирования вооруженных конфликтов (на основе Парижско-Дейтоновских соглашений): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003; Бисултанов А.К. Развитие международного гу-

родного права (в опубликованных в последнее время работах, чтобы исключить путаницу, используется термин «международное право вооруженных конфликтов» (МПВК); «право военных конфликтов» – это термин военного права (отрасли системы российского права), который применим при исследовании внутригосударственных отношений.

Несмотря на уже опубликованные нами работы, с которыми Н.Н. Мельник знаком, непринятие им указанного исходного тезиса, приводит к путанице в исследуемых правоотношениях и, как следствие, путанице в терминологии.

2. У МПВК своя история становления, свои широко известные ученые и специалисты-практики, которые в своих исследованиях и публикациях практически не затрагивают сферу внутригосударственного регулирования военных конфликтов. Пожалуй, единственный интерес специалистов международного права в этой части – это вопросы взаимодействия двух систем, а точнее – каким образом международно-правовые нормы попадают в источники внутригосударственного регулирования военных конфликтов. Эта тема довольно хорошо исследована, и в данном вопросе мы не ставим задач сделать открытия⁶.

Однако мы категорически не согласны с утверждением, что только международное право вооруженных конфликтов имеет «право прописки» по регулированию отношений, возникающих в период вооруженных конфликтов, как это прослеживается у Н.Н. Мельника.

Это не соответствующая реальности точка зрения, обусловленная отсутствием до недавнего времени традиций правовых исследований внутригосударственного регулирования военных отношений воору-

женной борьбы, поскольку современные исследования датируются 2021 г. и особенно много публикаций появилось с началом в 2022 г. специальной военной операции.

Отметим в очередной раз, что правовое регулирование отношений в период боевых действий, конечно же, осуществляется с учетом МПВК. Это также вполне очевидные вещи. Как справедливо отмечает профессор Ю.С. Ромашев: «При моделировании боевых действий важно учитывать и внутригосударственную нормативную правовую базу, регламентирующую их ведение, требования боевых уставов и наставлений по обеспечению боевых действий при неукоснительном соблюдении норм международного права»⁷.

Однако правда в том, что не всегда в полной мере нормы МПВК прямым образом имплементированы в тексты боевых уставов, что не говорит о том, что соответствующее регулирование отношений пробельно. Это лишь может свидетельствовать о качестве текстов соответствующих правовых актов и не более.

3. Следующая актуальная проблема. Есть ли сфера вооруженной борьбы или военные отношения, в которые право не должно вторгаться?

Н.Н. Мельник: «... в системе военного права главный источник ПВК – Наставление по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденное Министром обороны Российской Федерации 8 августа 2001 г. (Наставление по МПП), а общевоинские уставы Вооруженных Сил Российской Федерации (Устав внутренней службы, Дисциплинарный устав, Устав гарнизонной и караульной служб), утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495, обязывают военнослужащих знать и соблюдать нормы МПП. Устав

⁶ См., напр.: Батырь В.А. Международное гуманитарное право и право вооруженных конфликтов: вопросы соотношения // Право в Вооруженных Силах. 2021. № 12. С. 6 – 29; Егоров А.В. Международное гуманитарное право: учеб. для вузов. М., 2011. 687 с.

⁷ Модели военных, боевых и специальных действий / под общ. ред. акад. Д.А. Новикова. М., 2025. С. 77.

(“установленный”) имеет императивный характер без выбора средств и методов реализации властного предписания».

Автор (Н.Н. Мельник) в данном случае пишет об имплементации норм МПП в общевойсковые уставы. Однако мы ведем речь совершенно о другом – о регулировании военных отношений вооруженной борьбы в иных источниках (боевых уставах). Именно боевые уставы являются главным источником права военных конфликтов, т. е. в них содержатся правовые нормы, которыми следует руководствоваться российским военнослужащим в ходе боевых действий.

Данные вопросы исследованы и описаны в публикации «Боевые уставы Вооруженных Сил Российской Федерации – источники права военных конфликтов»⁸.

И еще раз обратим внимание на следующее.

«Вооруженное противоборство регламентируется специфическими нормативными правовыми актами – боевыми уставами. Военно-правовые отношения, возникающие в ходе ведения боевых действий, непосредственно связаны как с военным искусством, так и с методикой ведения боевых действий, которая нормативно закреплена в боевых уставах – источниках права военных конфликтов...»⁹

Таким образом, на вопрос «есть ли область военных отношений, которая не подвержена правовому воздействию», в отличие от Н.Н. Мельника, мы отвечаем отрицательно. Вся область военных отношений в любых вопросах и проявлениях (в том числе область вооруженной борьбы) подвержена правовому воздействию. Вопрос в другом – интенсивность такого правового воздействия, конечно же, различная, что объектив-

но допускает возможность дискреционного поведения воинского должностного лица исходя из конкретной ситуации на поле боя, чем и достигается победный результат.

Н.Н. Мельник является сторонником первой и отчасти второй парадигмы военного права. Суть *первой парадигмальной концепции*, которая была сформирована российской военно-юридической наукой в дореволюционный период, в том, что правовое регулирование военных отношений не включает общественные отношения военного конфликта, содержание которых – вооруженная борьба и достижение победы, т. е. такие вопросы являются предметом ведения исключительно военной науки и они исключаются из предмета и объекта военного права как отрасли права и науки¹⁰.

Вторая парадигма заключается в концепции комплексности военного права¹¹. Ее суть в следующем:

– изучение специфических особенностей общественных отношений, которые подвергаются изменению под воздействием отношений вооруженной борьбы;

– исследование особенностей вторичных отношений, которые не являются отношениями вооруженной борьбы, но соприкасаются с первичными, базисными отношениями вооруженной борьбы, подвергаются воздействию этих отношений, обретая специфические особенности. Эти специфические особенности не могут формировать общественное и правовое явления, так как роль у них обеспечивающая, а не определяющая саму сущность явления. Именно в силу того, что наука военного права преимущественно обращала внимание на исследование специфических свойств общественных отношений, обеспечивающих военный конфликт, а не отношений самого

⁸ Кудашкин А.В. Боевые уставы Вооруженных Сил Российской Федерации – источники права военных конфликтов // Право в Вооруженных Силах. 2025. № 3. С. 2 – 13.

⁹ Там же. С. 13.

¹⁰ См. более подробно: Кудашкин В.В. Общественные отношения военных конфликтов // Право в Вооруженных Силах. 2023. № 11. С. 6 – 8.

¹¹ Там же. С. 11.

военного конфликта, составляющих этот конфликт отношений вооруженного противоборства, вооруженной борьбы, военно-правовая мысль уходила в сторону самого очевидного – связанности этих отношений с другими, обеспечивающими отношениями (финансовыми, административными, уголовными, гражданско-правовыми и т. д.) и опосредующими их надстроечными правовыми явлениями (финансовым правом, административным правом, уголовным правом, гражданским правом и т. д.), которые в конечном итоге порождали отрицание самостоятельности отрасли военного права, либо, в лучшем случае, формировали представление о комплексности военных отношений, их связанности и переплетении с иными, не военными отношениями, и как результат конструирование парадигмы комплексности военного права.

4. Н.Н. Мельник: «Цель ПВК (обращаем внимание на то, речь идет об МПВК. – *Прим. авт.*) состоит не в достижении победы, а в ограничении средств и методов ведения военных действий в соответствии с основными договорами, запрещающими (ограничивающими) методы и средства их ведения».

Если речь о МПВК, то это вполне очевидное утверждение, нами не оспариваемое. Однако если иметь в виду именно «право военных конфликтов» (внутригосударственное право), тогда это утверждение не соответствует действительности.

Тезис Н.Н. Мельника – это устоявшаяся точка зрения, которая раскрывает суть *права вооруженных конфликтов* (международное право) и которая ровным счетом ничего не дает для раскрытия внутригосударственного *права военных конфликтов*. В этом и есть суть проблемы понимания современного содержания военного права (отрасли системы российского права).

Позиция Н.Н. Мельника основана на старых, устоявшихся, проверенных позициях специалистов международного права. Обращаем в очередной раз внимание на то, мы в эту область исследования военных отношений не вторгаемся, это не наша тема, мы «копаем» внутригосударственное право военных конфликтов, в котором мы являемся признанными специалистами¹². И нас никто не переубедит.

5. Н.Н. Мельник: «Ошибки в определении отношений, регулируемых ПВК, повлекли ошибки в определении его предмета. К отношениям автор (речь о моем разделе в монографии¹³. – *Прим. авт.*) относит, например, управление Вооруженными Силами, войсками (силами), частями (подразделениями) при их подготовке к боевым действиям и руководство ими при выполнении боевых задач, но в источниках ПВК (имеется в виду МПВК. – *Прим. авт.*) нет норм, регулирующих эти отношения, но эти отношения относятся к сфере регулирования военного дела (курсив мой. – А. К.), а не военного права или ПВК».

Очередное необоснованное утверждение Н.Н. Мельника заключается в том, что если речь вести о МПВК, действительно в нем нет прямого регулирования управленческих отношений в ходе вооруженной борьбы, поскольку назначение таких международно-правовых норм иное, в отличие от норм внутригосударственного регулирования.

Нормы МПВК (МГП) ограничивают средства и способы ведения вооруженной борьбы на поле боя в гуманитарных целях.

¹² Обратим внимание на то, что монография «Право военных конфликтов: основные концепты и парадигмальный генезис во имя победы» издана в Минобороны России и под редакцией первого заместителя Министра обороны Российской Федерации Р.Х. Цаликова (Право военных конфликтов: основные концепты и парадигмальный генезис во имя победы / авт. кол. под рук. А.В. Кудашкина. М., 2024. 480 с.).

¹³ Военное право: моногр.: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. М., 2021. Т. 1: История и теория военного права (с предисловием). М., 2021. С. 455 – 456.

Нормы ПВК (внутригосударственное право) регулируют поведение в вооруженной борьбе на поле боя в целях достижения победы. Именно этот тезис необходимо понять и принять, чтобы объективно исследовать всю совокупность регуляторов поведения участников военных конфликтов. Конечно же, такое поведение на поле боя ограничивается нормами МПВК (МПП), но такое ограничение не имеет целевым назначением достижение победы, его цель – исключительно гуманитарная: минимизировать негативные последствия при ведении боевых действий.

И это третья парадигма военного права, доказывающая самостоятельность отрасли военного права. Более полутора столетия *научная модель военного права*¹⁴ строилась на исследовании вопросов правового регулирования общественных отношений, которые не имели непосредственного отношения к военному противоборству, а были направлены на *обеспечение военного противоборства* (финансовые, административные, военно-уголовные, военно-судебные и другие отношения). В то время как исследовать необходимо прежде всего правовое регулирование общественных отношений в ходе военных конфликтов и не только международно-правовое регулирование (в чем преуспели ученые, специализирующиеся в исследованиях в области международного права), но и *внутригосударственное*.

6. И теперь самое главное – вопросы *достижения победы в вооруженной борьбе*.

Н.Н. Мельник неоднократно утверждает, цитируя Наставление по МПП, что в нем нет вопросов достижения победы. С этим мы не спорим, и это действительно так, поскольку назначение данного документа иное – он не про достижение победы, а про

соблюдение норм МПП при ведении боевых действий.

Вполне очевидно, что соблюдение норм МПП, которое является обязательным, конечно же, определенным образом ограничивает применение на поле боя всех возможных (доступных) сил и средств. Это объективная необходимость и данность. Но вот как достигнуть победы в вооруженной борьбе на поле боя? Такие регуляторы содержатся только в боевых уставах и иных подобных им документах.

Таким образом, наша позиция заключается в том, что достижение победы также подвержено регулированию, и об этом подробно написано в статье «К вопросу юридикализации победы»¹⁵.

Вот к таким мыслям я пришел, ознакомившись со статьей Н.Н. Мельника, который, надеюсь, меня извинит за возможно иногда резкие суждения.

В качестве короткого вывода отметим, что взаимодействие международного права вооруженных конфликтов (МПВК) и внутригосударственного права военных конфликтов (ПВК) осуществляется как на уровне правового регулирования, так и в науке. При этом единым является объект – вооруженная борьба в ходе военного конфликта. В то же время каждая система права (международная и внутригосударственная) имеет свои предмет, методы, принципы, функции и другие элементы механизма регулирования. Тем самым международно-правовая и внутригосударственная системы правового регулирования имеют общий объект (вооруженная борьба в ходе военного конфликта), однако предмет регулирования – военные отношения в ходе вооруженной борьбы – различен, так же как цели и механизм такого регулирования.

¹⁴ См. подробнее: Право военных конфликтов: основные концепты и парадигмальный генезис во имя победы. С. 247 – 257.

¹⁵ Цаликов Р.Х., Кудашкин А.В. К вопросу юридикализации победы // Воен. мысль. 2024. № 7. С. 21 – 35.